

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A.I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2017

вып. XXVIII

УДК 595.781

**ЗАБЫТЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Е.В. Новомодный¹, Ю.А. Чистяков²

¹ КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова», г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

² Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты Восточной
Азии ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: chistyakov@ibss.dvo.ru

Приводятся открывшиеся недавно малоизвестные и новые сведения о лицах, оставивших свой след в истории энтомологических исследований на Дальнем Востоке России: А.К. Мольтрехте, Г.И. Коне, А.И. Черском, В.М. Бергере, К.Г. Войновском-Кригере, братьях Н.И. Кардакове и А.И. Кардакове.

За достаточно длительный срок сбора информации и наших публикаций о людях, оставивших след в истории энтомологических исследований на Дальнем Востоке, накопилось много интересных фактов, которые, к сожалению, стали известны нам после публикации основных сведений. Поэтому в данном сообщении мы, помимо рассмотрения вклада ранее не охваченных нашими исследованиями действующих лиц, вынужденно возвращаемся к связанным с ними героям прошлых своих работ, причем не только для того чтобы дополнить их характеристику, но и пытаясь прояснить подспудные мотивы их поступков и действий. Надеемся также, что эти данные позволят нашим коллегам лучше ориентироваться в коллекциях, особенно в местах хранения типового материала, что, как мы знаем, за эти годы происходило уже неоднократно, и таким образом, облегчить работу систематиков и фаунистов.

Пятнадцать лет назад один из авторов настоящего сообщения написал очерк о глазном враче Южно-Уссурийского переселенческого управления, известном лепидоптерологе-любителе Приморья А.К. Мольтрехте (Новомодный, 2003). В то время еще многие факты его биографии оставались неизвестными, в том числе ни точное место его рождения, ни дата и место смерти. Сейчас, благодаря

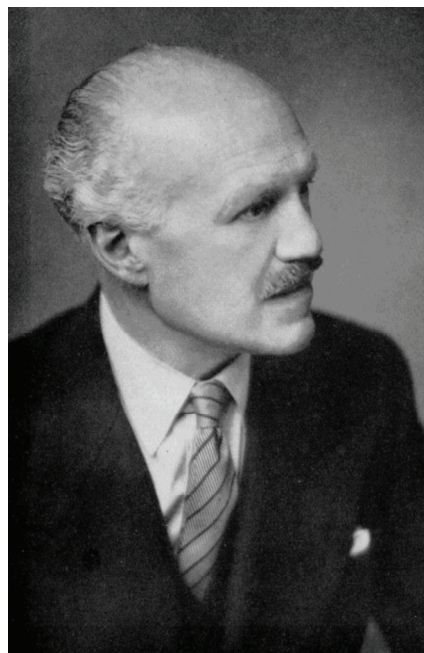
размещенному в Сети Интернет в режиме свободного доступа мюнхенским Институтом Восточной Европы (Osteuropa-Institut München / Erik-Amburger-Datenbank, [2008]) архиву биографических сведений «Иностранцы в дореволюционной России» стало известно, что Арнольд Карлович Мольтрехт (нем. Arnold Christian Alexander Moltrecht) родился 15(27) августа 1873 г. в пасторате Матия, где его отец-священник служил в лютеранском приходе при старинной церкви Святого Матфея. На современных картах это место обозначено как с. Матиши (латыш. Matīši), Буртниецкого края области Видземе на севере Латвии. Подтвердились наши предположения, что после вынужденного бегства в 1936 г. из Приморья он жил на Украине и работал врачом на свеклосахарной фабрике в г. Смела Черкасской области (1937–1943 гг.). В 1944 г. А.К. Мольтрехт оказался в Познани (Польша), а после войны жил в Баварии, в городе Байрёйт (нем. Bayreuth), где умер 13 февраля 1952 г. Известно также, что из Байрёйта он вёл переписку с Немецким энтомологическим институтом в Эберсвальде и опубликовал во Франкфурте-на-Майне научную статью о природе Южно-Уссурийского края, по-видимому, последнюю в жизни (Zimmer, 2001; Moltrecht, 1949).

Некоторые из литературных источников и фотодокументов того времени, ставшие ныне доступными, позволяют глубже познакомиться не только с его профессиональной деятельностью как врача-офтальмолога, но и вводят нас в круг его общения, высвечивая из тени забвения все новые и новые лица. Иногда такие сведения исследователь находит в совершенно неожиданных местах. Так, в издательстве «Рубеж» совсем недавно вышла книга «Письма из Владивостока», составленная на основе эпистолярного наследия американки Элеоноры Лорд Прей, долгое время проживавшей со своей семьей во Владивостоке и оставившей в них подробные и бесхитростные описания своего быта и жизни города в 1894–1930 гг. Итак, 30 сентября 1926 г. она записала, что: «мы все смеемся над тем, что не так давно произошло на Девятнадцатой версте. Д-р Мольтрехт, приехав из города, увидел такую тучу мотыльков вокруг фонаря на станции, что, несмотря на свой преклонный возраст и полноту, не мог удержаться от того, чтобы не вскарабкаться на столб в попытке поймать несколько экземпляров, поскольку он всегда носит с собою сачок для бабочек. И вот он полез. Некоторым из пассажиров, прошедшим уже изрядно вдоль полотна, случилось обернуться, и они испытали настоящий ужас, увидав медведя, который залез до середины фонарного столба, и это зрелище заставило их ускорить шаг. Конечно же на следующий день вся станция гудела, встревоженная появлением медведя, и наглостью косолапого, осмелившегося заявиться на столь густо населенную Девятнадцатую версту и взобраться на столб на самой станции, [новость] обсуждалась бесконечно и повсеместно, пока эти разговоры не достигли д-ра Мольтрехта, который чуть не лопнул от смеха — так же, как и большинство других, когда они услышали, что «медведем» был видный и уважаемый во Владивостоке ученый» (Прей, 2010). К тому же времени относится примечательная цифра, видимо полученная от самого Мольтрехта лесоводом Б.А. Ивашкевичем, составителем справочника по интеллектуальным силам Приморья в 1918–1922 гг.: доктор «открыл 148 видов бабочек, из коих многие им лично описаны, а остальные — другими учёными» (Ивашкевич, 1922).

Пригороды Владивостока были тогда очень популярны для дачного отдыха горожан и, как мы убедились в процессе поисков, являлись излюбленным местом проведения сборов у коллекционеров от энтомологии. Имя одного из них стало известно нам при внимательном изучении научного наследия А.К. Мольтрехта.



Мольтрехт Арнольд Карлович (1873–1952)



Кон Георгий Исидорович (1892–1951)

Среди его немногочисленных статей, приводимых в библиографии Н.Я. Кузнецова (1929) имеется одна заметка в соавторстве с неким Г. Коном: «Beitrag zur Kenntnis der ostpaläarktischen Lepidopteren-Fauna» [К познанию восточно-палеарктической фауны чешуекрылых] (Moltrecht, Kon, 1909). И кроме нее еще две самостоятельные статьи партнера! В обширной библиографии по истории изучения фауны чешуекрылых Дальнего Востока, составленной А.И. Куренцовым (1974), не процитирована ни одна из его работ и сам Алексей Иванович никогда и нигде не упоминал имени этого исследователя. Единственное, что удалось нам найти – это краткие упоминания в «Отчете Общества изучения Амурского края за 1908 г.» что Г. Кон состоял его членом с 1908 г., был допущен к фондам музея, где «привёл в порядок коллекцию бабочек» и «пожертвовал серию расправилок для насекомых» (Отчет, 1910).

Наконец, благодаря коллеге В.В. Дубатолову стало известно, что Г. Кона упоминал японский энтомолог Т. Мияке при первоописаниях двух до настоящего времени валидных таксонов бабочек-медведиц, сделанных по сборам А.К.

Мольтрехта на о. Формоза (ныне – Тайвань). Один из новых видов был назван специалистом-систематиком в честь Мольтрехта – *Diacrisia moltrechti* Miyake, 1909 (сейчас отнесен к роду *Lemyra*), другой получил имя разыскиваемого нами персонажа – *Spilosoma koni* Miyake, 1909 (современное название – *Cretonotos transiens koni*). Однако самое поразительное в том, что как указывал автор, их типовые экземпляры «находятся в коллекции мистера Кона во Владивостоке», который «любезно показал и одолжил мне образцы для изучения» (Miyake, 1909). Здесь налицо тот редкий случай, когда материалы не попали к автору описания в постоянное пользование, хотя он, как правило, всегда этого страстно желает!

Разобраться с этой таинственной личностью помогла активно развивающаяся электронная библиотека Сети Интернет. В 2009 году там удалось разыскать заметки, посвященные химику-органику Джорджу Кону (Kon, George Armand Robert, 18.02.1892 – 15.03.1951 гг.), с 18.03.1943 г. члену «Британской академии наук» – Лондонского королевского общества (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge). Благодаря упоминанию в них о написанных им юношеских статьях в энтомологическом журнале стало ясно, что известный английский ученый и есть тот человек, которого искали. Но мы будем называть его так, как звали в России – Георгий Исидорович. Родился он в Санкт-Петербурге и был единственным ребенком в очень обеспеченной семье. Его отец, Исидор Мартынович (Иосиф Маркус) Кон происходил из старинной польско-еврейской семьи из Лодзи – промышленной столицы Польши, являлся очень культурным и талантливым человеком, потомственным почетным гражданином, кандидатом математики, лингвистом и весьма успешным банкиром (Linstead, 1952). Впечатляют, например, статистические данные 1914 г., когда он одновременно являлся членом правлений Русского Торгово-Промышленного банка, Общества вагоностроительного завода «Двигатель», Общества «Электрическая сила», директором Общества Юго-Восточных железных дорог, директором Общества Армавир-Туапсинской железной дороги, директором Страхового товарищества «Саламандра» (Боханов, 1994). Мать-француженку звали Марией Флёрэ (Fleuret, Marie). Но как же Георгий Кон оказался на Дальнем Востоке?

С детства мальчик жил ни в чем не нуждаясь. Мать, няня, французская, потом немецкая гувернантки и два домашних учителя обеспечили ему прекрасное воспитание и индивидуальное образование. Первым преподавателем был польский писатель, публицист и педагог Адольф Дыгасиньский (Dygasiński, Adolf, 1839–1902 гг.), который по данным «Советского энциклопедического словаря» (1984) изучал языки, географию, естественные науки в Варшавской главной школе и подолгу служил гувернёром и учителем в помещичьих усадьбах. Он-то и привил Георгию любовь к естествознанию.

Когда мальчику исполнилось десять лет, семья переехала в г. Тяньцзинь в Северном Китае, где его отец служил менеджером созданного по инициативе графа С.Ю. Витте знаменитого Русско-Китайского банка, сыгравшего ведущую роль в экономической экспансии России на Дальнем Востоке. Здесь Георгий прожил три счастливых года, а его интерес к естественной истории вылился в

страсть к коллекционированию бабочек. В 1904 г. из-за русско-японской войны они перебрались во Владивосток, который по его словам был «великолепной страной для охоты и идеальным местом сбора бабочек» (Linstead, 1952). Его похожая на рекламу статья, помещенная на первой странице энтмологического журнала интернационального общества полна восторга и живописует «один июльский день из жизни ловца чешуекрылых в Уссурийском крае», а конкретно – на энтмологической даче на ст. Океанской. Он перечисляет по-латыни те виды ночных и дневных бабочек, которые реально можно поймать здесь в это время (Кон, 1909а).

Скорее всего, известный врач-офтальмолог А.К. Мольтрехт был не только хорошо знаком, но и поддерживал приятельские отношения с главой семьи – Исидором Коном. Тем более что, как пишет биограф Г.И. Кона Р. Линстед, в качестве предмета обучения родители выбрали для Георгия медицину (Linstead, 1952). Как бы там ни было, но встреча юного собирателя бабочек и зрелого, опытного коллекционера оказалась очень плодотворной для обоих, стимулировала их совместные вылазки на природу и жажду поделиться своими наблюдениями с научным сообществом. Ещё бы: мальчик поймал на Океанской третий найденный в крае экземпляр красивейшей перламутровки *Argynnis zenobia* Leech. (после пары, собранной братьями Дёррис на Сучане). А врач добыл два экземпляра необыкновенной ленточницы, которую он тут же описал как *Limenitis eximia* Molt. Плюс ещё несколько интересных фаунистических новинок. Поэтому не случайно, что практически одновременно в 1909 году в штуртгартском энтмологическом журнале публикуется пять их статей-заметок (Кон, 1909а,б; Moltrecht, 1909а,б; Кон, Moltrecht, 1909). А еще на страницах этого издания Мольтрехт под нетипичным в настоящее время заголовком: «Meistgebot!» [Самая высокая цена! (нем.)] регулярно давал объявления о продаже материалов с о. Формоза и экземпляров уссурийского реликтового усача-дровосека *Callipogon relictus* Semenov, 1898.

Еще удивительней для нас тот факт, что молодой человек лично сообщил данные своих наблюдений за преимагинальными стадиями развития шашечницы *Melitaea protomedia* Men., 1859 не кому-нибудь, а самому Адальберту Зейцу (Seitz, Friedrich Joseph Adalbert, 1860–1938), имя которого стало нарицательным после выхода в свет его роскошно изданного многотомного труда о бабочках мира! Так как в русскоязычной литературе до сих пор описание ее гусеницы не появилось, приведем то, что опубликовал А. Зейц: «Г-н Георгий Кон, из Владивостока, был так добр, что прислал мне описание неизвестной до сих пор гусеницы *protomedia*. Личинка «похожа на личинку [*Melitaea*] *dictynna*, бархатисто-черная. Вдоль спины расположен ряд белых ложных шипов, сопровождающихся по сторонам рядами оранжево-красных, далее кнаружи снова ряд белых, но меньших шипов, между которыми есть белые точки. Все ложные шипы имеют короткие черные щетинки. Головные и грудные ноги черные, брюшные ноги беловатые. Размер как у *dictynna*. [Встречаются] на *Veronica sibirica*, обычно по одной. В июне превращаются в черно-точечных белых куколок, которые также похожи на *dictynna*, с двумя рядами оранжевых точек. Бабочки вывелись через 12 дней» (Seitz, 1909).

Близкое знакомство и совместное времяпрепровождение с семьей Кона позволяет по-иному взглянуть на казавшееся раньше довольно загадочным и труднообъяснимым четырехмесячное путешествие А.К. Мольтрехта на тропический о. Тайвань (в то время – Формоза). Обработкой сборов занимались исключительно иностранные специалисты, отечественные зоологи почти не участвовали, кроме В.Л. Бианки. Оно вообще не укладывается в обычные рамки поездок местных ученых-любителей. Более того, по нашему мнению, это путешествие было бы практически невыполнимо лишь на основе официального ходатайства русского посла в Токио «Формозскому Генерал-Губернатору об оказании мне всякого покровительства», как пишет Мольтрехт (1916). В 1895 г., после проигранной Китаем войны, в соответствии с Симоносекским договором остров был передан Японии. Судя по тому, кому в первую очередь достался коллекционный материал оттуда, это предприятие не обошлось без финансовой поддержки и деятельного участия Исидора Кона, репутация и деловые связи которого в Восточной Азии были хорошо известны и могли значительно повлиять на положительное решение любых проблем, возникающих во время путешествия. Кроме того, как отмечает Линстед (друг и биограф Кона), во Владивостоке семейство Конов подружилось с сэром Робертом Ходжсоном (Hodgson, Sir Robert MacLeod, 1874–1956), который по информации Интернет-ресурса «Википедия» в 1906 г. был назначен коммерческим агентом, а с 1908 г. – вице-консулом Британской Империи во Владивостоке. Именно этот господин убедил родителей отправить молодого человека учиться в Кембридж, повлияв на принятие судьбоносного для молодого человека решения идти в науку (Linstead, 1952). Скорее всего, этим же обстоятельством объясняется теплый прием участников экспедиции на острове английским консулом Альфредом Вилеманом. По свидетельству А.К. Мольтрехта, этот «ученый энтомолог, проработавший уже 5 лет на Формозе, любезнейшим образом предоставил мне большое помещение в консульстве для производства моих зоологических, фотографических и медицинских снаряжений» (Мольтрехт, 1916). Та же «Википедия» дает сведения о том, что А. Вилеман (Wileman, Alfred Ernest, 1860–1929) с 1882 г. работал в консульских учреждениях Великобритании в Японии переводчиком, потом секретарем, вице-консулом в Токио, Хёго, Осаке, Хакодате. В 1903–1909 гг. был консулом в Тайнане, Формоза, в 1909–1914 гг. – генеральным консулом на Филиппинах. Во всех местах, где служил, он был активным коллекционером чешуекрылых, занимался их разведением, и накопил одну из крупнейших, наиболее полных коллекций японских, тайваньских и филиппинских бабочек, когда-либо собранных одним человеком. После смерти его вдова пожертвовала эту коллекцию Британскому музею естественной истории.

К сожалению, вдохновленное богатой восточноазиатской фауной, юношеское увлечение Георгия Кона коллекционированием бабочек было недолгим. Видимо, из-за смены обстановки интерес к энтомологии начал угасать. Вскоре он навсегда уехал из Приморья, а потом из России. Успешно сдав экзамены на аттестат зрелости в Петербурге, наряду с занятиями по усовершенствованию своего греческого языка, он решил самостоятельно почитать медицинскую литературу, но «нашел анатомию очень тусклым и тяжелым предметом, хотя и

наслаждался физиологией». На учебу в Кембридже он поступил лишь со второго раза, однако жить ему там понравилось. В семейных планах было его участие в бизнесе в России, но по возвращении он почувствовал себя здесь чужим, и решил взяться за научную карьеру в Англии. С 1913 г. Г. Кон стал посещать занятия по химии и химической технологии в Имперском колледже науки и техники. В феврале этого года в Южном Кенсингтоне начал трудиться талантливый и деловитый Джоселин Торп (Thorpe, Jocelyn Field, 1872–1940), доцент органической химии, ставший его научным руководителем на долгие годы. Под его руководством Кон становится химиком-органиком, и в 1922 г. защищает диссертацию, но это уже не относящаяся к энтомологии история (Linstead, 1952). Продолжал ли Георгий собирать бабочек в Англии, неизвестно, но из годовых отчетов Русского Энтомологического общества (РЭО) на страницах его печатного органа «Русского Энтомологического обозрения» следует, что вернувшись из Приморья, в 1909 г. Кон вступил в него и был его членом-корреспондентом по крайней мере до 1917 г., обозначив свои интересы в энтомологии как «Чешуекрылые Восточной Азии». О том, сохранилась ли его коллекция, сведений нет. По крайней мере, сделанный по нашей просьбе запрос об этом в Британский музей, не дал никаких результатов.

Вторым домашним учителем для юного Г. Кона стал еще один герой нашего очерка – Александр Иванович Черский (1879–1921), сын выдающегося исследователя Восточной Сибири Ивана (Яна) Дементьевича Черского. В 1904 г. он с отличием закончил Санкт-Петербургский университет и благодаря покровительству Академии Наук перед ним открывалась карьера кабинетного ученого, но он мечтал о другой судьбе, так как получил закалку исследователя в отцовской экспедиции на Колыму. Случай помог исполниться этому желанию. Вот что сообщает об этом вдова Александра Ивановича, М.Н. Черская: «Из Владивостока приехал в Петербург по делам директор [отделения] Русско-Китайского банка, некто Кон. Он просил своих знакомых подыскать учителя для подготовки сына в Кембриджский университет. Знакомые Кона знали А. И. Черского студентом и рекомендовали его. Кон предложил очень хорошие материальные условия и даже поездку в Японию. Приехав во Владивосток, Александр Иванович занялся обучением сына Кона. Кончая свои дневные обязанности, он уходил для занятий в музей Общества изучения Амурского края (ОИАК). Там для него открывались возможности изучения замечательной природы Уссурийского края и он часто проводил за работой ночи напролёт» (Черская, 1956). Заметим, что две последние фразы не имеют подтверждения в опубликованных Отчетах ОИАК, где скрупулезно перечислялись все общественно-полезные действия его членов и сотрудников. Здесь явно что-то перепутано.

Очевидно, что он отлично справился с порученным ему заданием и сумел основательно подготовить Г. Кона к сдаче экзаменов на аттестат зрелости экстерном и вступительных в университет. Но после окончания контракта А.И. Черский остался без работы, поэтому с 1 июня 1908 г. поступил на должность консерватора в музей ОИАК, и, вложив свои накопления от преподавательской деятельности, оперативно организовать экспедицию на оз. Ханка. Жалование он стал получать только с 1 сентября (Отчет, 1910). Именно с его приходом

связывают период расцвета этого учреждения как научного. А.И. Куренцов посвятил ему прекрасный очерк, где подробно разбираются его действия и поездки. «Семь лет плодотворной научно-исследовательской деятельности А.И. Черского при Владивостокском музее оставили настолько прочные следы, что и до сего времени, спустя 37 лет после смерти Александра Ивановича, заслуги его перед музеем и в деле изучения фауны Приморья остаются яркими страницами в истории исследований природы края» (Куренцов, 1956). Б.А. Ивашкевич приводит слова из газетного некролога хорошо знавшего его по совместной деятельности в ОИАК, в Департаменте земледелия и государственных имуществ выдающегося ихтиолога В.К. Солдатова: «Благодаря неустанной энергии А.И. Черского, его серьезной научной подготовке, организаторским способностям, а главное любви к делу исследования, в музее собрался обширный всесторонний, великолепно сохраненный научный материал по фауне и флоре местного края» (Ивашкевич, 1922).



Черский Александр Иванович (1879–1921)

Широкой научной общественности А.И. Черский известен, прежде всего, как орнитолог. Действительно, Александр Иванович «играл очень значительную роль в изучении фауны Приморья. Не считая собственных исследований, он организовал коллектирование птиц в разных местах Дальнего Востока силами препараторов Владивостокского музея и таким образом собрал большой материал» (Шульпин, 1936). Но это лишь часть правды. Ведь на самом деле практически все эти орнитологические коллекции также прошли через руки профессионалов-орнитологов, В.Л. Бианки и С.А. Бутурлина, которые и определили большую часть. В то же время из «Отчетов ОИАК» тех лет видно, что А.И. Черский разбирался во многих группах животных и даже растений, иначе не смог бы в них ориентироваться при полевых работах. «Во время этих экспедиций он одновременно был и метеорологом, и ботаником, и зоологом, последним в особенности, и с увлечением изучал уссурийскую природу. Он поразительно быстро ознакомился с нашим краем, и, беседуя с ним на местные темы, вряд ли можно

было бы найти такой вопрос по местному краеведению, в котором бы он оказался совершенно некомпетентным. В этом отношении он ближе всего подошел к типу естествоиспытателя-исследователя природы в целом, к которому относятся крупнейшие натуралисты XVIII и XIX веков» (Гордеев, 1922).

Например, известно, что А.И. Черский определял и ставил в музей коллекции жуков, а с 1912 года состоял действительным членом РЭО. При этом в качестве своих интересов в энтомологии он указал: «Фауна Приморской области. Биология насекомых». Судя по некоторым данным, в качестве диссертационной темы он выбрал себе жуков-усачей Уссурийского края (или так хотел его руководитель, возможно, А.П. Семенов-Тянь-Шанский). К сожалению, как мы теперь знаем, из-за преждевременной смерти талантливого исследователя этим планам не суждено было сбыться.

Обращаясь к личности А.И. Черского, задаешься вопросом: что побудило молодого одаренного юношу посвятить себя естествознанию, кто, наконец, были его учителями на выбранном им поприще? Орнитолог К.А. Воробьев писал, что «неизменное и горячее участие в судьбе семьи Черских принимали в то время председатель Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский и зоолог В.Л. Бианки» (Воробьев, 1954). Недавно вышла замечательная книга, монография «Бианки: история одного петербургского рода» (2014), в которой, как нам кажется, можно найти многие ответы. Очевидно, что огромное влияние на становление юного Черского оказал глава этого семейства – Валентин Львович Бианки, известный орнитолог и энтомолог, штатный сотрудник Зоологического музея АН (ныне – Зоологический институт РАН). Дело в том, что возвратившиеся из Сибири Черские, – Иван (Ян) Дементьевич, Мавра Павловна и их сын Александр Черские поселились в 1885 году на Васильевском острове Санкт-Петербурга, недалеко от Смоленского кладбища. Они прожили там шесть лет, пока отец работал в Зоологическом музее, обрабатывая свои материалы. С семьей Бианки у них сложились самые теплые отношения. Дружили настолько, что когда в феврале 1891 г. Черские собирались в новую экспедицию, предполагалось, что Александр останется, и будет жить в семье Бианки, с тремя их мальчиками, но в последний момент родители передумали и взяли его с собой. Кстати, на одиннадцатилетнем Александре лежали обязанности энтомолога. В 1893 г. избранный штатным ученым хранителем Энтомологического отделения Валентин Львович получил казенную пятикомнатную квартиру во флигеле Академии на Университетской набережной. Вернувшийся в Санкт-Петербург Саша Черский учился в гимназии и в университете одновременно со Львом, старшим сыном Бианки, и, видимо, часто бывал в их доме. Впоследствии разносторонний по интересам Лев Валентинович стал энтомологом (Бианки, 2014).

Каждое лето отец, Валентин Львович вывозил семью за город, в деревню или дачный поселок. Не только для отдыха, но и для проведения тщательных зоологических наблюдений, сбора коллекций с точной фиксацией результатов, в которых активно участвовали все дети. Это ли не самый эффективный способ воспитания серьезных полевых исследователей, каким сделался Александр Иванович Черский? А еще для него с детства занятия научных сотрудников Зоологического музея и их добровольных помощников коллекционеров-любителей

были хорошо знакомы и понятны. Многих он хорошо знал лично. Думается, что отсюда происходит и манера его деятельности в Приморье, так как, по сути, он был сверхштатным сотрудником научного института. Из отчетов ОИАК и Ежегодников Зоологического музея АН явствует, что ему поступали конкретные заявки на сборы и шло соответствующее инструментально-материальное и финансовое обеспечение. Соответствует ли такая организация работы, – с созданием массовых научных биологических коллекций в краеведческом музее, той, где во главу угла всегда поставлены узко утилитарные задачи построения демонстрационных экспозиций – вопрос другой. Как нам кажется, его уход из музея связан именно с отсутствием понимания у большинства членов Распорядительного Совета ОИАК. Во все годы работы А.И. Черского консерватором в музее ОИАК, его заведующим (общественная должность) был корабельный врач и морской зоолог Ф.А. Дербек, но в 1914 г. он подал в отставку и с 20 ноября на его место был выбран А.К. Мольтрехт, причем он одновременно также был казначеем. А.И. Черский уволился 15 февраля 1915 г. (Отчет, 1917). Случайно ли совпадение?

Лично знакомый с Черским ботаник и педагог Т.П. Гордеев заканчивает посвященный ему некролог следующими словами: «Остается еще отметить, что покойный обладал несомненным педагогическим талантом и умел обращаться с молодежью, заинтересовывать ее природой нашего края. Он всегда был готов поделиться своими обширными знаниями с каждым, кто обращался к нему за справками по местному краеведению. К сожалению, покойный не любил всяких публичных выступлений (лекций, докладов), а также чересчур был требователен к своей литературной работе, не торопясь опубликовывать добытые им материалы, и, благодаря этому, вместе с ним безвозвратно погибли его разносторонние сведения и его многочисленные личные наблюдения относительно природы и населения Приморской области, Командоров и Японии, в которой покойный бывал несколько раз (Гордеев, 1922). Так, например, в Отчете ОИАК за 1913 год написано, что «в Зоологическом отделе М.Н. Черская занималась расправлением бабочек и жуков. Доктор А.К. Мольтрехт определял бабочек для выставочной коллекции и устанавливал их по системе, принятой в известном каталоге палеарктических бабочек Staudinger'a. Гимназисты местной гимназии Кригер-Войновский и Ющенко помогали М.Н. Черской в расправлении бабочек» (Отчет, 1915).

Необычная двойная фамилия запомнилась, и мы не удивились, когда услышали ее от своего новосибирского коллеги, В.В. Дубатолова. Оказалось, что ему посчастливилось встречаться с ним, а «в коллекции [бабочек] ЗИН хранится немало сборов, проведенных во втором десятилетии XX века в окрестностях Владивостока К.Г. Войновским-Кригером (1894–1979), (проэтикетированные «Кригер-Войновск.»), впоследствии – комиссаром армии Сергея Лазо, затем – геологом, а в годы репрессий – одним из первооткрывателей воркутинских углей; после освобождения в 1954 году он жил и работал в Алма-Ате. Сам Константин Генрихович (с его слов, сказанных автору лично в 1978 г.) до конца жизни так и не узнал судьбу своих южноприморских коллекций, и был уверен, что они полностью погибли» (Дубатолов, 2014). Существуют лишь предположения насчет того, каким путем они попали в ЗИН. Добавим к этому, что Войновский

происходил из семьи военного инженера-фортификатора, строителя Владивостокской крепости и о нем была написана монография, но про энтомологические интересы там ничего не сказано (Маркова и др., 2001).

Нам также известен, по меньшей мере, еще один молодой человек, приобщенный к энтомологии А.И. Черским. В Отчете ОИАК за 1909 г. читаем, что он «совместно с [гимназистом 7 класса] В.М. Бергер сделал ряд экскурсий в окрестностях Владивостока для пополнения коллекций насекомых» (Отчет, 1912). В экспедиции на р. Одарка (1911 г.) в качестве сотрудника-добровольца Бергер провел два месяца. Он занимался стволовыми вредителями – жуками-короедами, причем очень серьезно и даже опубликовал несколько статей в «Русском Энтомологическом обозрении». Был он сыном старшего врача Сибирского флотского экипажа, доктора медицины Михаила Александровича Бергера (1868–1956). К сожалению, имени его нам точно установить не удалось, вероятно, Вениамин или Венедикт, – если в публикациях оно и по-русски, и по-английски, и по-французски сокращалось одинаково, до литеры «В». В.М. Бергера можно считать непосредственным предшественником А.И. Куренцова в области лесной энтомологии. Ведь как мы знаем, что и докторская работа Алексея Ивановича была посвящена именно дальневосточным короедам! Во вступлении к своей монографии Алексей Иванович писал: «В 1916 году появилась работа В. Бергера, посвященная специально короедам Уссурийской области; ее можно считать началом довольно полного описания короедной фауны южных частей Дальнего Востока в морфологическом и биологическом отношении. В том же году В. Бергер совместно с Н. Холодковским напечатали статью, в которой довольно подробно остановились на описании биологии тогда только что найденного в Уссурийской области древесинного короеда из рода *Scolyloplatypus*» (Куренцов, 1941). Отмечая его заслуги, наш корифей писал далее, что «мысль автора [исследовать стволовых вредителей Дальнего Востока], к сожалению, не осуществилась: преждевременная смерть унесла его, и он успел сделать лишь небольшую часть работы, в которой дал описание нового рода (*Ernoporicus*) и шести новых видов (*Cryphalus scopiger*, *Cr. carpini*, *Cr. redikorzevi*, *Ernoporus fraxini*, *Ernoporicus spessivtzevi*, *Hylesinus cholodkovskyi*)». Если судить по спискам членов РЭО, опубликованным в «Русском Энтомологическом обозрении», В.М. Бергер умер или погиб после 1917 г.

В более ранней статье нам удалось обобщить малоизвестные факты из жизни безусловно хорошо знакомых с А.К. Мольтрехтом исследователей энтомофауны Дальнего Востока, – братьях Кардаковых, Николае и Андрее Ивановичах, оказавшихся здесь далеко не по своей воле во время Гражданской войны и интервенции (Новомодный, 2004). Но нам кажется все-таки их подвижнический труд еще не оценен по достоинству. Можно лишь догадываться, какие трудности и лишения пришлось им пережить в то смутное время. Вот только один случай, ставший достоянием истории благодаря свидетельству писателя и энтомолога В.В. Набокова. В 20-ые годы он жил в Берлине, где подружился с Н.И. Кардаковым. И вот что он писал своей жене из Берлина 8 июня 1926 г.: «Кардаков мне удивительно рассказывал отношение крестьян к нему, энтомологу, работающему в Уссурийском краю. Это отношение было скверное (чуть не дошло

до убийства) по двум причинам. Во первых: он просил мальчишек доставлять ему жуков, платил за штуку 2 копейки. Мужики стали говорить, что вот, мол, «доктор» покупает жука за грош, а продает за тысячу рублей. Однажды он посоветовал ребятам поискать для него одного редкого сибирского жука среди сложенных дров. Ребята жуков нашли, но поленья здорово пораскидали – и мужики решили Кардакова прикончить. Во-вторых: все они считали что Кардаков – доктор – и к нему валом валили больные, да беременные бабы. Он старался объяснить им, что лечить не умеет, но они были уверены, что он это нарочно, из злобы, из гордости. Наконец не выдержал и перебрался [примечание автора: с братом] в другие места» (Набоков, 2015).



Кардаков Андрей Иванович (1891–1938)



Кардаков Николай Иванович (1885–1973)

В Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова хранится большая коллекция жуков из Южно-Уссурийского края. Поскольку на этикетках не указано имя сборщика, мы лишь предполагали, что им является Андрей Иванович Кардаков, заведующий его зоологического отдела в 1924–1927 гг. Недавно нам удалось получить этому документальное подтверждение на основании письма его брата Председателю РЭО Андрею Петровичу Семенову-Тянь-Шанскому, хранящемуся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН – Ф.722. – Оп.2. – Д.454). «Берлин, 1922 г., 3 января. Глубокоуважаемый Андрей Петрович! После четырехлетних скитаний, мне удалось попасть в Берлин. Здесь от доктора В. Торна и из *Entomologische Mitteilungen*, впервые узнал некоторые подробности о нашем Русском Энтомологическом Обществе. Спешу, как член Общества, дать о себе знать. Первую половину 1919 года я работал по *Lepidoptera* Урала в Екатеринбурге, в 1920 и 1921 занялся изучением и сбором чешуекрылых по Уссурийскому краю. Собранный материал до 9000 бабочек

привез с собою из Владивостока сюда и здесь обрабатываю при Германском энтомологическом Институте. 6000 жуков оставил во Владивостоке у моего младшего брата Андрея Ивановича Кардакова, который после потери его ботанической коллекции в Вятке занялся собиранием жуков. Из редких мне попались несколько и среди них 1. *Rosalia coelestis*, много Gerambicid и Staphilinid. Мои сборы по *Lepidoptera* до 1918 года (за 22 года) уничтожены в Вятке при разгроме квартиры, но как видите, я не унываю. В Екатеринбурге составил лепидоптерологическую коллекцию, разобрал сборы за 50 лет. И сейчас составляю коллекцию Уссурийских видов. Буду очень рад получить от Русского Энтомологического Общества все, что вышло по *Lepidoptera* с 1917 года. Считаю себя должным быть всегда полезным Вам и «Обществу» чем могу. Всегда Вас уважающий, Николай Кардаков».

«Считаю себя должным быть всегда полезным ... Обществу» – эти слова вслед за Николаем Кардаковым с полным правом могли бы повторить все герои нашего очерка. Люди разных судеб, в разных обстоятельствах, временно или на долгие годы связавшие свою жизнь с дальневосточной окраиной России, они всем сердцем полюбили этот, тогда еще совсем не обихожанный край и его удивительную природу. Они не были профессиональными энтомологами, но каждый из них оставил свой след, внес свой вклад в познание богатейшей энтомофауны Дальнего Востока. И мы можем гордиться и всегда помнить имена этих первопроходцев, энтузиазм и подвижнический труд которых на поприще энтомологии не может не вызывать уважение и достоин быть сохраненным в истории.

Благодарности

Авторы признательны за помощь в сборе информации и материалов для статьи Е.Э. Шергалину (Мензбировское Орнитологическое Общество, г. Таллинн, Эстония), В.В. Дубатову (ИСиЭЖ СО РАН, г. Новосибирск), Н.А. Татаренковой (с. Никольское, Командорские острова), М.М. Меклиной (г. Сан-Франциско, США).

ЛИТЕРАТУРА

Бианки В.В. 2014. Жизнеописание Валентина Львовича Бианки. *Бианки: история одного петербургского рода. Т. 1.* СПб.: Издательский дом «Петрополис». С. 22–120.

Боханов А.Н. 1994. *Деловая элита России 1914 г.* М.: Институт российской истории РАН. 273 с.

Воробьев К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края.* М.: Изд-во АН СССР. 360 с.

Гордеев Т.П. 1922. Александр Иванович Черский. *Известия Южно-Уссурийского отделения Примурского отдела Русского географического общества*, 2: 22–25.

Дубатов В.В. 2014. Дальневосточные лишайницы группы *Eileta sensu lato* (Lepidoptera, Arctiidae: Lithosiinae) из коллекции Зоологического института, Санкт-Петербург. *Амурский зоологический журнал*, 6(3): 276–281.

Ивашкевич Б.А. 1922. *Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918-1922 гг.* Владивосток: Свободная Россия. 72 с.

- Кузнецов Н.Я. 1929.** Список фаунистической и описательной литературы по фауне Российской Империи и сопредельных стран в применении к отряду чешуекрылых. *Насекомые чешуекрылые (Insecta, Lepidoptera). Введение. Asciidae (Danairidae). Т. 1. Вып. 2.* Л.: Наука. С. ССССXXXVI–DLX.
- Куренцов А.И. 1941.** *Короеды Дальнего Востока СССР.* М.-Л.: Изд-во АН СССР. 234 с.
- Куренцов А.И. 1956.** А.И. Черский как исследователь. *И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском.* Под ред. Обручева С.В. Иркутск: Иркут. Кн. изд. С. 358–368.
- Куренцов А.И. 1974.** *Зоогеография Дальнего Востока СССР на примере распространения чешуекрылых – Rhoralosera.* Новосибирск: Наука. 159 с.
- Маркова Е. В., Войновская К.К. 2001.** *Константин Генрихович Войновский-Кригер (1894–1979).* М.: Наука. 144 с.
- Набоков В. В. 2015.** *Письма к Вере: 1923–1976 гг.* СПб.
- Новомодный Е.В. 2003.** Роль М.И. Янковского и А.К. Мольтрехта в изучении чешуекрылых Дальнего Востока России. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 14.* Владивосток: Дальнаука. С. 68–77.
- Новомодный Е.В. 2004.** Исследователи Дальнего Востока зоологи братья Кардаковы. *Записки Гродековского музея. Вып. 9.* Хабаровск: Гос. Музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова. С. 159–171.
- Отчет ОИАК за 1908 год. 1910.** Владивосток. 40 с.
- Отчет ОИАК за 1909–1910 год. 1912.** Владивосток. 44 с.
- Отчет ОИАК за 1913 год. 1915.** Владивосток. 48 с.
- Отчет ОИАК за 1915 год. 1917.** Владивосток. 52 с.
- Прей Э.Л. 2010.** *Письма из Владивостока (1894–1930).* Под ред. Биргитты Ингемансон; пер. с англ. А. А. Сапелкина. Приморский музей им. В. К. Арсеньева. Владивосток: Альманах «Рубеж». 464 с.
- Черская М.Н. 1956.** Воспоминания о А. И. Черском. *И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском.* Под ред. Обручева С.В. Иркутск: Иркут. Кн. изд. С. 354–357.
- Шульпин Л.М. 1936.** *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья.* Владивосток: ДВФ АН. 436 с.
- Linstead R.P. 1952.** George Armand Robert Kon, 1892–1951. *Obituary Notices of Fellows of the Royal Society*, 8(21): 171–192.
- Kon G. 1909a.** Der Lebenstag eines Schmetterlingssammlers in Ussurigebiet. *Entomologische Zeitschrift. Centralorgan des Internationalen Entomologischen Vereins. Stuttgart*, 23: 96–97.
- Kon G. 1909b.** Beitrag zur Kenntnis der ostasiatischen Lepidopteren. *Entomologische Zeitschrift. Centralorgan des Internationalen Entomologischen Vereins. Stuttgart*, 23: 162.
- Miyake T. 1909.** A revision of the Arctianae of Japan. *Bulletin of the College of Agriculture Tokyo Imperial University*, 8: 153–174.
- Moltrecht A., Kon G. 1909.** Beitrag zur Kenntnis der ostpaläarktischen Lepidopteren-Fauna. *Entomologische Zeitschrift. Centralorgan des Internationalen Entomologischen Vereins. Stuttgart*, 22: 184–185.
- Moltrecht A.K. 1909a.** Neues aus Amurland. *Entomologische Zeitschrift. Centralorgan des Internationalen Entomologischen Vereins. Stuttgart*, 22: 184.
- Moltrecht A.K. 1909b.** Nachtrag zu dem Aufsatz «Neues aus Amurland». *Entomologische Zeitschrift. Centralorgan des Internationalen Entomologischen Vereins. Stuttgart*, 23: 131–132.

Мольтрехт А.К. 1916. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы. *Известия Императорского Русского Географического Общества*, 2(1): 51–70.

Moltrecht A.A. 1949. Aus der Tier- und Pflanzenwelt des Ussuri- und Amur-Gebietes. *Natur und Volk. Bericht der Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft. Band 79.* Frankfurt am Main.

Seitz A. 1909. 12: Gattung Melitaea, Scheckenfalter. S. 212–225. In: Seitz A. *Die Gross-Schmetterlinge der Erde, 1 Abt.: Die Großschmetterlinge des palaearktischen Faunengebietes, Band 1: Die palaearktischen Tagfalter.* Stuttgart: Alfred Kernen.

Zimmer D.E. 2001. *A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths.* Hamburg. 438 p.

Erik-Amburger-Datenbank "Ausländer im vorrevolutionären Russland" *Osteuropa-Institut München/Amburger-Archiv.* Available from: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/>

THE HISTORY OF ENTOMOLOGICAL RESEARCH IN THE RUSSIAN FAR EAST: FORGOTTEN EPISODES

E.V. Novomodnyi¹, Yu.A. Tshistjakov²

¹Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia
E-mail: evgenov@mail.ru

²Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
E-mail: chistyakov@ibss.dvo.ru

The new and little-known data on MOLTRECHT Arnold Christian Alexander (1873–1952), KON George Armand Robert (1892–1951), CHERSKY Alexander Ivanovich (1879–1921), BERGER V.M., VOINOWSKY-KRIEGER Konstantin Genrikhovich (1894–1979), KARDAKOV Nikolai Ivanovich (1885–1973) and KARDAKOV Andrei Ivanovich (1891–1938) are given in historical aspect. All of them are known to be involved in the entomological researches in the Russian Far East in the beginning of the last century.